

Российское право: состояние, перспективы, комментарии

Научная статья

УДК 342.41

DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.27.45

Свойства конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений

Сергей Анатольевич Мосин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия 101000, Москва, Мясницкая ул., 20, samosin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3403-7827>

Аннотация

В статье рассматриваются свойства аксиоматичности, презумптивности и догматической фиктивности конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений. Системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-правовой, формально-логический и другие методы познания в юриспруденции и формальной логике позволили выявить и охарактеризовать указанные свойства. Использование этих методов в их сочетании предопределило обращение не только к актуальным проблемам конституционного права, но и к вопросам теории права, а также других отраслей права. Целью настоящего исследования является подтверждение гипотезы о том, что в глобальном смысле добросовестность является фундаментом, на котором строится вся правовая система государства. Конституционный принцип добросовестности субъектов правоотношений формулирует базовое правило, которое заключается в том, что добросовестность является обязательным условием деятельности субъектов правоотношений. В связи с этим данный принцип обладает свойством аксиоматичности и определяет направление дальнейшего развития правовой системы в рамках сформулированного правила. Также конституционный принцип добросовестности субъектов правоотношений, обязывая правоприменителя исходить из предположения о добросовестности надлежащим образом соблюдающих Конституцию России и законодательство субъектов правоотношений, приобретает свойство презумптивности и тем самым обеспечивает стабильность правовой системы государства. Презумпция добросовестности субъектов правоотношений, предусматривая при этом возможность опровержения такого предположения (т.е. будучи опровержимой), является

инструментом контроля за соблюдением сформулированных нормативными правовыми актами критериев добросовестности субъектами тех или иных отраслевых правоотношений. В свою очередь принцип добросовестности субъектов правоотношений в силу высокой степени правовой обобщенности и отсутствия четких границ своего правового содержания обладает свойством догматической фиктивности, позволяющим полноценно раскрывать его положения, тем самым развивая правовую систему и обеспечивая ее эффективное функционирование. Таким образом, указанные свойства позволяют принципу добросовестности субъектов правоотношений в полном объеме реализовать заложенный в нем потенциал и осуществить дальнейшее полноценное развитие, а также нормативное закрепление аспектов добросовестности в различных отраслях права.

Ключевые слова

правовой принцип, конституционный принцип, добросовестность, мораль, справедливость, правовая аксиома, правовая презумпция.

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (проект «Этика и право: соотношение и механизмы взаимовлияния»).

Для цитирования: Мосин С.А. Свойства конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 27–45. DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.27.45.

Russian Law: Conditions, Perspectives, Commentaries

Research article

Properties of the Constitutional Principle of Good Faith of Subjects of Legal Relations

Sergey A. Mosin

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia, samosin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3403-7827>

Abstract

The article considers property of axiomaticity, property of presumptiveness and property of dogmatic fictitiousness of the constitutional principle of good faith of subjects of legal relations. Structural systemic analysis, comparative legal analysis, method of formal logic and other methods have made it possible to identify and characterize these properties. Using combination of these methods, this researcher was able to address not only the issues of constitutional law of current importance, but also issues pertaining to law theory, as well as other branches of law. The purpose of the research is to test the hypothesis that, in a global sense, good faith is the foundation upon which the entire

legal system of a state is built. The constitutional principle of good faith of subjects of legal relations formulates the basic rule which is that «good faith is a prerequisite for the activity of subjects of legal relations». In this regard, the principle is axiomatic and determines the direction of the further development of the legal system within the framework of the formulated rule. Also, the constitutional principle of good faith of subjects of legal relations, obliging the law practitioners to proceed on the assumption of good faith of subjects of legal relations that duly observe the Constitution of the Russian Federation and the legislation, assumes a property of presumptiveness and thus ensures the stability of the state's legal system. Presumption of good faith of the subjects of legal relations, while providing for the possibility of rebutting such an assumption, is an instrument for monitoring compliance with the criteria of good faith formulated by normative legal acts by the subjects of a particular branch of legal relations. In turn, the principle of good faith of subjects of legal relations due to the high degree of legal generality and the absence of clear boundaries of its legal meanings has the property of dogmatic fictitiousness, which allows to fully disclose its provisions, thus developing the legal system and ensuring its effective functioning. Thus, these properties allow the principle of good faith of subjects of legal relations to fully realize its potential and to carry out further full development, as well as the normative consolidation of aspects of good faith in various branches of law.

Keywords

legal principle, constitutional principle, principle of good faith, morality, justice, legal axiom, legal presumption.

Acknowledgments: The study was fulfilled as part of HSE Program of fundamental research, project: Ethics and Law: Correlation and Mutual Influence.

For citation: Mosin S.A. (2023) Properties of the Constitutional Principle of Good Faith of Subjects of Legal Relations. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 1, pp. 27–45 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.27.45.

Введение

Правовые принципы играют ключевую роль в развитии законодательства. В первую очередь это относится к конституционным принципам, которые обладают спецификой, выводящей их за рамки обычных правовых установлений. Помимо обязательного нормативного закрепления, основополагающего характера, системности, всеобщности (универсальности), повышенной устойчивости в сочетании с повышенной гибкостью, конституционные принципы обладают свойствами аксиоматичности, презумптивности и догматической фиктивности.

Так, формулируя базовое правило и определяя направления развития правовой системы, конституционный принцип обладает свойством аксиоматичности. Вместе с тем конституционный принцип обладает свойством презумптивности вследствие обязанности правоприменителя исходить из предположения о соблюдении положений такого при-

нципа всеми субъектами правоотношений, обеспечивая тем самым необходимую стабильность правовой системы государства. В свою очередь, обладая свойством догматической фиктивности, конституционный принцип позволяет гибко интерпретировать составляющие такой конституционный принцип положения и, как следствие, создавать необходимую нормативную правовую базу.

Целью настоящего исследования является подтверждение гипотезы о том, что в глобальном смысле добросовестность является фундаментом, на котором строится вся правовая система государства. Рассматривая свойства конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений, следует отметить, что данный принцип в настоящее время находится на пути своего полноценного становления. Многие его аспекты еще не выявлены и нуждаются в соответствующих исследованиях с последующим нормативным закреплением и наработке правоприменительной практики. Высокая нормативная обобщенность и отсутствие четких границ правового содержания наиболее ярко характеризуют принцип добросовестности в сравнении с другими конституционными принципами, например, с принципом конституционности, который в целом уже имеет устоявшиеся правовые характеристики.

Системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-правовой и формально-логический методы позволили выявить и охарактеризовать рассматриваемые в настоящем исследовании свойства аксиоматичности, презумптивности и догматической фиктивности конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений. Использование этих методов в их сочетании предопределило обращение не только к актуальным проблемам конституционного права, но и к вопросам теории права, а также других отраслей права.

1. Конституционный принцип добросовестности субъектов правоотношений и его аксиоматичность

Нормативным закреплением принципа добросовестности субъектов правоотношений является Конституция Российской Федерации¹, в Преамбуле² которой упоминается вера многонационального народа Рос-

¹ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2-3.

² Следует отметить, что в отличие от Конституции Французской Республики от 04.10.1958, Основного Закона Федеративной Республики Германии от 23.05.1949, Конституции Федеративной Республики Бразилии от 05.10.1988 и др., в которых слово «преамбула» отражено непосредственно в тексте, в Конституции РФ отсутствует упоминание о ней. Но, исходя из того, что преамбула — это вводная часть нормативного правового акта, введение к Конституции РФ по сути является ее Преамбулой.

сийской Федерации в добро и справедливость. Нет сомнений в том, что положения Преамбулы являются исходными началами, на которых выстроена вся правовая система государства. Верно указывается, что Преамбула Конституции необходима, чтобы «осветить пройденный страной путь, дать характеристику общества на современном этапе его развития, изложить сущность и главные задачи государства, сказать о целях конституции и провозгласить ее принятие» [Авакьян С.А., 2005: 156].

При всей своей лаконичности Преамбула Конституции России отражает ряд основных положений, которые будут освещаться непосредственно в основном тексте Конституции. Тем не менее Конституция России не содержит сведений, которые могут сказать нам о юридической силе ее Преамбулы. В связи с этим следует поддержать мнение, что «при всем политическом значении преамбулы ее нормативная суть очевидна — хотя бы потому, что в ней провозглашаются исходные принципы, на которых основывается данная конституция, и само ее принятие» [Авакьян С.А., 2005: 171].

Таким образом, все без исключения положения российской Конституции опираются на добросовестность субъектов правоотношений, исходят из нее и ее предполагают. При этом добросовестное поведение должно характеризовать субъектов всех правоотношений без исключения. Бесспорным является тот факт, что без существования общеправового принципа добросовестности вряд ли было бы возможным выстроить правовую систему государства.

Следует также обратить внимание на ст. 75.1 Конституции в соответствии с которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Исходя из положений данной статьи очевидна важность взаимного доверия государства и общества, которая лежит в основе таких взаимоотношений. Без обоюдного добросовестного поведения в самом широком его понимании невозможно взаимное доверие государства и общества.

Также в качестве источника конституционного принципа добросовестности нельзя не отметить ч. 3 ст. 17 Конституции России, в которой указывается, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Данное конституционное установление призвано оградить от злоупотреблений субъектами правоотношений своими правами. Очевидно, что обладание правами и свободами не означает возможности злоупотребления ими, а реализа-

ция прав одним субъектом не должна нарушать законных прав другого субъекта.

Рассматривая составляющие термина «добросовестность», подчеркнем, что «добро» есть нормативно-оценочная категория морального сознания, в предельно обобщенной форме обозначающая должное и нравственно-положительное, благо в поступках и мотивах людей, в явлениях социальной действительности³. В свою очередь, под термином «совесть» подразумевается категория этики, характеризующая способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. Это одно из выражений нравственного самосознания личности⁴.

Соответственно, объединяя эти два термина, мы определяем понятие добросовестности, заключающееся в должном и нравственно-положительном осуществлении личностью нравственного самоконтроля, формулировании для себя нравственных обязанностей и их исполнение, самооценке совершаемых поступков.

Мораль, в свою очередь, является неотъемлемой частью духовной жизни людей. Как верно отмечается, «моральные нормы формируются в процессе утверждения, развития моральных взглядов, являются, в сущности, их нормативным выражением... по сути, моральные нормы не нуждаются в формальном закреплении и обеспечении их соблюдения посредством принудительной силы, поскольку они действуют через оценку поступков людей и через механизм общественного мнения» [Алексеев С.С., 1995: 135]. Тем не менее для надлежащего функционирования правовой системы есть определенная потребность в законодательном закреплении таких норм. Очевидно, что придание моральным нормам формальной определенности является необходимым условием их правовой реализации, несмотря на то что такая трансформация может отразить не все аспекты такой нормы. Поэтому, как полагает О.А. Кузнецова, «добросовестность, как, впрочем, и разумность... это, безусловно, не правовые, а моральные, философские категории. Но, попадая в сферу правовых отношений, обретая способность влечь правовые последствия, они требуют и специально-юридического подхода к определению, поскольку правовым регуляторам, в отличие от моральных, свойственна высокая степень определенности и конкретности» [Кузнецова О.А., 2001: 116].

Критерии добросовестности по объективным причинам присущи лишь физическим лицам. Самоопределение человеком своей добросо-

³ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 171.

⁴ Там же. С. 620.

вестности неизбежно влечет за собой ее внешнюю оценку. Как пишет Ю.В. Виниченко, добросовестность проявляется в объективном и субъективном смыслах: в первом случае (объективная добросовестность) она трактуется как «внешнее мерило», масштаб, стандарт оценивания поведения субъектов; во втором (субъективная добросовестность) — как осведомленность (знание или незнание) конкретного лица о каких-либо фактических обстоятельствах, извинительное незнание о фактах или правах других лиц [Виниченко Ю.В., 2018: 288].

На основании изложенного полагаем, что добросовестность субъекта правоотношений заключается прежде всего: в неукоснительном соблюдении Конституции и законодательства; в исключении злоупотребления им своими правами; в должной и нравственно-положительной оценке субъектом своих действий и принятии им такого решения применительно к тем или иным обстоятельствам правоотношений, которое в возникшей ситуации будет наиболее эффективным и обоснованным.

Как подметил Г.А. Гаджиев, добросовестность в виде правового принципа выполняет роль общего правового регулятора, необходимость в котором связана с тем, что при совершении правовых действий, направленных на достижение субъективного интереса, необходимо учитывать такую объективную реальность, как интересы контрагента, равно как и публичные интересы. Принцип добросовестности можно считать проявлением принципа справедливости, поскольку потребность в применении принципа добросовестности можно рассматривать как естественную реакцию разумного правоприменителя на наличие пробелов в праве либо на правовой формализм. Также согласимся с тем, что принцип доброй совести обладает признаками объективного мерила и является известной сдержкой эгоизма в юридических отношениях [Гаджиев Г.А., 2002: 95].

Затрагивая аспекты справедливости, отметим, что требование справедливости — важнейшая характеристика права. Эти понятия не должны быть отделимы друг от друга. Как известно, право — это система установленных государством общеобязательных правил поведения, норм, исполнение которых обеспечивается силой государственного принуждения. В свою очередь общеобязательность правил поведения и их обеспечение силой государственного принуждения являются основополагающим элементом, в том или ином виде затрагивающим все сферы жизни человека и влияющим на них. Вследствие этого в рамках современного правового и демократического государства нормативные акты не могут быть лишены элемента справедливости, поскольку не является правом то, «в сущностной подоснове которого начала справедливости сведены на нет, более того, отрицаются, а порядок поддерживается исключительно силой» [Кокотов А.Н., 2020: 54–55].

По мнению В.С. Нерсесянца, «справедливость входит в понятие права, право по определению справедливо, а справедливость — внутреннее свойство и качество права» [Нерсесянц В.С., 2011: 386]. Аналогичных взглядов придерживался и С.С. Алексеев, который констатировал, что право как таковое (если его не подменять законом, который может быть и неправовым) в целом находится в глубоком единстве с моралью, представляя собой нормативно закрепленную справедливость. Также, рассматривая соотношение права и морали, ученый указывал, что, во-первых, в праве должны быть выражены, присутствовать во всех его ипостасях и проявлениях элементарные общепризнанные, общечеловеческие моральные начала, основанные на христианских откровениях и заповедях; во-вторых, право призвано воплотить, актуализировать, сделать реальной одну из высших моральных ценностей, имеющую общецивилизационное значение — справедливость [Алексеев С.С., 1995: 140].

Изложенные позиции исследователей, безусловно, необходимо поддерживать. Единство права и морали является основой аксиоматичности конституционных принципов, в том числе рассматриваемого принципа добросовестности. В связи с тем, что право нацелено на обеспечение доверия в обществе, которое является поведенческим выражением порядка и справедливости, при наличии в обществе устойчивого доверия между людьми, властью и населением установленный общественный порядок воспринимается как справедливый [Кокотов А.Н., 2020: 52]. Таким образом, вопросы добросовестности, справедливости, морали, нравственности, доверия являются первостепенными в осуществлении правового регулирования. Данные аспекты также крайне важны в качестве ориентиров при реализации субъектами правоотношений своих прав и обязанностей.

Известно, что конституционные принципы обладают свойством аксиоматичности, поскольку формулируют общеобязательные базовые правила, которые составляют не доказуемые и не требующие доказательств непреложные исходные истины, лежащие в основе правовой системы государства и определяющие направления ее дальнейшего развития. Также следует отметить, что, по мнению Н.А. Чечиной, аксиомами являются такие нормы права, которые выражают содержание общечеловеческой морали, потому что, во-первых, необходимость соблюдения содержащихся в них правил поведения очевидна с точки зрения здравого смысла, принципов морали и справедливости и не нуждается в особых доказательствах. Во-вторых, данные нормы играют роль основных положений, на содержании которых базируется большинство других правил системы, исходя из того, что право призвано отвечать принятому в обществе понятию справедливости [Чечина Н.А., 1987: 89].

Принцип добросовестности субъектов правоотношений формулирует обладающее характером непреложной исходной истины базовое правило: «Добросовестность является обязательным условием деятельности субъектов правоотношений». Таким образом, данный конституционный принцип обладает свойством аксиоматичности и определяет направление дальнейшего развития правовой системы в рамках сформулированного правила, основываясь на аспектах добросовестности во всех их проявлениях. Принцип добросовестности субъектов правоотношений, вне сомнений, выражает содержание общечеловеческой морали и является одной из основополагающих идей, которые находятся в ядре всей правовой системы государства.

Очевидно, что для возможности применения тех или иных критериев добросовестности необходимо их нормативное закрепление, так как само по себе косвенное или прямое нормативное закрепление принципа добросовестности для конкретных правоотношений является явно недостаточным. Следует отметить, что те отрасли права, в которых уже закреплены критерии добросовестности субъектов правоотношений, вполне успешно используют принцип добросовестности, тем самым раскрывая его высокий потенциал. Прежде всего, речь идет о гражданском и налоговом праве. Вместе с этим Н.С. Бондарь справедливо указывает, что «человеческие поступки, как и действия публичной власти, нормируются, упорядочиваются, прежде всего, с точки зрения ценностей добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и долга, человеческого достоинства, совести и греховности, других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое, текстовое закрепление, но не утрачивающих от этого своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности в сочетании с правовой императивностью» [Бондарь Н.С., 2014: 52].

2. Презумптивность конституционного принципа добросовестности (презумпция добросовестности)

Известно, что Конституция России предписывает органам государственной власти, органам местного самоуправления, должностным лицам, гражданам (их объединениям) соблюдать ее положения, а также законы. При этом надлежащее соблюдение предполагается. Стабильность правовой системы в данном случае обеспечивается отсутствием необходимости постоянного предварительного контроля правомерности деятельности субъектов, в том числе органов государственной власти и издаваемых ими нормативных правовых актов, который бы парализовал всю правовую систему. Таким образом, конституционный принцип об-

ладает свойством презумптивности вследствие обязанности правоприменителя исходить из предположения о соблюдении положений такого принципа всеми субъектами правоотношений. Корреспондирующая конституционному принципу правовая презумпция является инструментом контроля за надлежащим соблюдением субъектами правоотношений положений такого конституционного принципа.

Конституция России, закрепляя принцип добросовестности субъектов правоотношений, обязывает правоприменителя исходить из предположения о добросовестности надлежащим образом соблюдающих данную Конституцию и законодательство субъектов. Обладая свойством презумптивности, данный конституционный принцип обеспечивает стабильность правовой системы государства. В свою очередь, презумпция добросовестности субъектов правоотношений, предусматривая возможность ее опровержения, позволяет контролировать соблюдение сформулированных нормативными правовыми актами критериев добросовестности.

Презумпция добросовестности субъектов правоотношений не имеет прямого нормативного закрепления. Косвенное закрепление содержится в Конституции и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Так же, как в случае с другими конституционными презумпциями, отсутствие прямого закрепления данной презумпции в Конституции не указывает на ее отсутствие в конституционном и ином законодательстве и, тем более, на презумпцию недобросовестности субъектов правоотношений. Невозможно предположить, например, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью в разрезе предположения о недобросовестности органов власти и должностных лиц при исполнении ими своих обязанностей по защите таких прав и свобод. Нельзя говорить и о демократическом государстве, когда изначально ставится под сомнение добросовестность деятельности всех звеньев системы государственной власти.

Конституция России и соответственно вся правовая система государства основываются на предположении добросовестности субъектов правоотношений, и иного предположения быть не может — это аксиома. В подтверждение следует привести позицию Судьи Конституционного Суда К.В. Арановского, который в своем Особом мнении к Определению Конституционного Суда РФ от 05.07.2011 № 879-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Евгении Викторовны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 1 пункта 1 статьи 219 Налогового кодекса Российской Федерации»⁵ справедливо указы-

⁵ СПС КонсультантПлюс.

вает, что принцип поддержания доверия граждан государству предполагает обоюдную презумпцию добросовестности. При этом недоверие противоречит конституционным основам народовластия и признанию человека высшей ценностью, поскольку предполагает признание за государством отдельных от гражданина интересов, следуя которым оно поощряет лишь сообразную им деятельность.

Хотя, например, презумпция добросовестности участников гражданского оборота и презумпция добросовестности налогоплательщиков фактически нормативно закреплены, в законе нет исчерпывающих критериев добросовестного поведения. Законодатель и судебная практика только находятся на пути к наиболее полному решению этого вопроса. Тем не менее, в нормативных правовых актах презумпция добросовестности все чаще находит отражение. Например, Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁶, где среди принципов общественного контроля в ст. 6 упоминается презумпция добросовестности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, которые осуществляют в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия и за деятельностью которых осуществляется общественный контроль. Вместе с тем критериев добросовестности указанный нормативный правовой акт не раскрывает, как зачастую не раскрывают таких критериев и другие нормативные правовые акты.

Получается, что при всей актуальности указанной презумпции и востребованности ее закрепления в нормативных правовых актах до сих пор зачастую отсутствуют критерии добросовестности, составляющие правовое содержание соответствующего конституционного принципа. Вследствие этого правовая презумпция не может полноценно выполнять возложенные на нее задачи и остается инструментом «на будущее», собственно, как и сам конституционный принцип добросовестности.

Таким образом, хотя в законодательстве, как правило, подробным образом не раскрываются критерии добросовестности субъектов тех или иных правоотношений, факт закрепления презумпции добросовестности в федеральном законодательстве свидетельствует о признании государством необходимости и важности отражения требований добросовестности в правовых нормах. Надеемся, что несмотря на всю сложность отображения категории добросовестности в правовых нормах, законодатель продолжит закрепление как презумпции добросовестности в различных сферах права, так и критериев такой добросовестности.

⁶ См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (Ч. 1). Ст. 4213.

Конституционную презумпцию добросовестности субъектов правоотношений в целом можно определить как косвенно закрепленное в нормах права предположение, при котором субъекты правоотношений считаются добросовестными в случае отсутствия с их стороны злоупотребления каким-либо правом при их участии в правоотношениях. При этом поведение таких субъектов в обязательном порядке сопровождается должной и нравственно-положительной оценкой ими своих действий и принятием ими такого решения, которое в возникшей ситуации будет наиболее действенным и обоснованным. Такое предположение считается истинным, пока иное не доказано в установленном законодательством порядке.

Презумпцию добросовестности субъектов правоотношений в соответствии с классификацией правовых презумпций целесообразно охарактеризовать как правовую (исходит из положений Конституции России и иных нормативных правовых актов, а также отражается в решениях Конституционного Суда России), косвенно закрепленную в законодательстве (несмотря на тенденции нормативного закрепления, данный процесс далек от своего завершения), общеправовую (относится ко всем без исключения правоотношениям). Ряд критериев добросовестности сформулирован и уточнен Конституционным Судом. Данная презумпция носит общий характер, и ее применение к отдельно взятым правоотношениям в любом случае потребует дальнейшей конкретизации.

3. Догматическая фиктивность конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений

Имея высокую степень нормативной обобщенности, абстрактности и при отсутствии четких границ своего правового содержания, принцип добросовестности субъектов правоотношений обладает свойством догматической фиктивности. Е.С. Аничкин отмечает, что средой обитания фикций являются абстрактные правовые понятия, термины, понимание и толкование которых отличается дискуссионностью и неоднозначностью. Как правило, у таких понятий отсутствуют легальные определения, не детализированы правовые признаки, что обуславливает их смысловую подвижность в зависимости от конъюнктуры [Аничкин Е.С., 2018: 92–93]. Аналогичной позиции придерживается Ю.В. Ким, который отмечает, что к категориям фикций относятся такие конституционно-правовые явления, уровень институциональной определенности которых не вполне прояснен [Ким Ю.В., 2008: 8–9].

Действительно, содержание понятия добросовестности фактически отсутствует в отечественном законодательстве за исключением тех ред-

ких случаев, в которых определенные критерии добросовестности все-таки нормативно закреплены (например, в гражданском и налоговом законодательствах). При этом в соответствии с принципом добросовестности все без исключения субъекты любых правоотношений должны быть добросовестными. В соответствии с презумпцией добросовестности такие субъекты в своей деятельности считаются добросовестными (добросовестное поведение предполагается).

Да, законодательство не содержит исчерпывающего перечня критериев добросовестности субъектов правоотношений, поскольку категорию добросовестности в связи с ее отнесением к моральным качествам человека невозможно абсолютно адекватно и точно отобразить в законодательстве. Принцип добросовестности находится на этапе становления, многие его аспекты еще не выявлены и нуждаются в исследованиях с последующим нормативным закреплением и наработкой правоприменительной практики. При этом данный принцип в любом своем проявлении вне зависимости от степени его правовой определенности является крайне важным для отечественного законодательства в связи с тем, что в глобальном смысле добросовестность является фундаментом, на котором строится вся правовая система государства. Данный принцип играет ключевую роль в развитии всех других принципиальных положений российской Конституции. В свою очередь, высокая степень нормативной обобщенности определяет потенциал принципа добросовестности субъектов правоотношений, позволяющий по мере развития правоотношений и законодательства всесторонним образом раскрыть аспекты этого конституционного принципа.

Обратимся к принципу добросовестности законодателя как субпринципу рассматриваемого принципа добросовестности субъектов правоотношений. Из теории права известно, что правотворчество есть форма государственной деятельности, направленная на создание правовых норм, а также на их дальнейшее совершенствование, изменение или отмену. Возникает вопрос: какие критерии входят в определение категории добросовестности законодателя? Дать однозначный ответ на него трудно, так как критерии добросовестности законодателя зачастую не имеют прямого нормативного закрепления. Некоторые аспекты указанного принципа проявляются при рассмотрении вопроса, касающегося объема полномочий и обязанностей законодателя, т.е. осуществления его компетенции.

Определяя критерии добросовестности законодателя, отметим, что помимо общих критериев добросовестности, в том числе заключающихся в неукоснительном соблюдении положений Конституции и законодательства, а также исключении злоупотребления законодателем своими

правами, существуют более конкретные критерии, которые отражены в решениях Конституционного Суда России. В частности, Конституционный Суд упоминает принцип соразмерности и вытекающие из него требования адекватности и пропорциональности используемых правовых средств в контексте того, что, когда федеральный законодатель устанавливает ограничения конституционных прав и свобод, он не может осуществлять такого регулирования, которое посягало бы на существование того или иного права и приводило бы к утрате его содержания⁷.

Полагаем, что содержание указанного принципа является одним из критериев правового принципа добросовестности законодателя, поскольку в данном принципе соразмерности и вытекающих из него требований адекватности и пропорциональности используемых правовых средств заложена недопустимость злоупотребления законодателем правовым регулированием. По-видимому, положения этого принципа распространяются не только на федерального законодателя и правовое регулирование им вопросов, связанных с правами и свободами, но и на законодателей всех уровней и на все вопросы правового регулирования, входящие в их компетенцию с учетом специфики такого правового регулирования.

Также законодатель считается добросовестным, если им соблюден общеправовой критерий определенности правовой нормы. Если смысл правовой нормы недостаточно четко определен и может быть подвержен различному истолкованию, любое иное истолкование, кроме как соответствующее положениям Конституции, признается Конституционным Судом России недопустимым. Это правило выражается в конституционном принципе равенства всех перед законом и судом, так как данное равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к нарушению принципов равенства и верховенства закона⁸. Таким образом, приверженность законодателя общим правовым принципам является еще одним критерием его добросовестности.

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2005 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 260 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. Г. Одиянкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений закона РСФСР “О государственной налоговой службе РСФСР” и законов Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” и “О федеральных органах налоговой полиции”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 5.

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, из конституционных принципов юридического равенства и справедливости помимо обращенного к законодателю требования определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает необходимость ее согласованности с системой действующего правового регулирования⁹.

В свою очередь, судья Конституционного Суда В.О. Лучин в Особом мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 23.03.1995 г. № 1-П «По делу о толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции Российской Федерации»¹⁰ исходит из «добросовестности, ответственности Совета Федерации, уверенности, что он не станет искусственно затягивать законодательный процесс и будет стремиться с учетом реальных возможностей к ускоренному рассмотрению законов по вопросам, предусмотренным в статье 106 Конституции Российской Федерации». Полагаем, что отсутствие искусственного затягивания законодательного процесса Советом Федерации, его стремление по возможности к ускоренному рассмотрению законов по вопросам, предусмотренным в ст. 106 Конституции — это один из критериев добросовестности деятельности Совета Федерации как субъекта законотворческой деятельности.

Таким образом, под принципом добросовестности законодателя следует понимать требование к законодателям всех уровней надлежащим и нравственно-положительным образом осуществлять в соответствии с Конституцией и законодательством России полномочия, возложенные на них, прежде всего, Конституцией, исключая в своей деятельности злоупотребления правом. Законодатель должен принимать такие законотворческие решения, которые в возникшей ситуации будут наиболее эффективными и обоснованными. От законодателя ожидается соблюдение всех предъявляемых к законотворческой деятельности требований, в том числе требований определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования, адекватности и пропорциональности использования правовых средств в правовом регулировании, отсутствия затягивания законодательного процесса. Следует отметить, что критерии конституционности нормативных правовых актов и соответствующие аспекты добросовестности законодателя зачастую совпадают, поскольку нормативные правовые акты являются полным отражением всех аспектов деятельности законодателя.

⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2006 № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “О связи” в связи с запросом Думы Корякского автономного округа».

¹⁰ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2-3.

Полагаем, что в вопросе развития положений принципа добросовестности субъектов правоотношений, впрочем, как и в вопросах развития положений других конституционных принципов, должен соблюдаться баланс: с одной стороны, у конституционного принципа всегда должна оставаться возможность развития и адаптации; с другой — нормативная обобщенность и абстрактность конституционного принципа не должны в конечном итоге становиться причиной нарушения прав и свобод человека и гражданина. Свойство догматической фиктивности конституционных принципов не должно трансформироваться в фиктивность в негативном смысле отсутствия или невозможности их реализации. Своевременное развитие положений конституционных принципов является залогом эффективного функционирования правовой системы государства. Практическая реализация и судебная практика способствуют выработке новых подходов, в частности, при определении добросовестности субъектов правоотношений, что, несомненно, является мощным позитивным аспектом.

Конституционные принципы находятся в постоянном развитии, тем самым реагируя на изменения и потребности развития государства и общества. Одновременно это является запросом общества и государства на дальнейшее развитие законодательства, поскольку даже такой аспект, как добросовестность, не может оставаться в стороне и должен постоянно насыщаться новыми уточняющими и формулирующими его деталями. Вероятно, в связи с возрастающей потребностью надлежащего функционирования рассматриваемого принципа критерии добросовестности применительно к различным правоотношениям будут далее активно формулироваться и развиваться законодателем.

Отметим, что свойство догматической фиктивности принципа добросовестности субъектов правоотношений обеспечивает возможность формулирования и нормативного закрепления новых, а также уточнения уже имеющихся критериев добросовестности в отраслевом законодательстве, поскольку, как справедливо утверждает Н.А. Богданова, широта содержания нормативных принципов конституционного права дает простор для их толкования, посредством которого раскрывается богатый потенциал таких принципов [Богданова Н.А., 2001: 192]. Таким образом, в отношении применения рассматриваемого принципа, равно как в отношении других конституционных принципов, «допустимо вести речь об относительной (великовозможной) полноте его содержания. Это правило можно представить как возможность реализовать принцип настолько полно, насколько это требуется исходя из условий правовой ситуации» [Ливеровский А.А., 2019: 78].

Заключение

Принцип добросовестности субъектов правоотношений как основополагающее положение, закрепляющее требование добросовестности субъектов правоотношений, формулирует обладающее характером непреложной исходной истины базовое правило, которое заключается в том, что «добросовестность является обязательным условием деятельности субъектов правоотношений». В связи с этим данный принцип обладает свойством аксиоматичности и определяет направление дальнейшего развития правовой системы в рамках сформулированного правила.

Также конституционный принцип добросовестности субъектов правоотношений, обязывая правоприменителя исходить из предположения о добросовестности надлежащим образом соблюдающих Конституцию и законодательство субъектов правоотношений, приобретает свойство презумптивности и тем самым обеспечивает стабильность правовой системы государства. Презумпция добросовестности субъектов правоотношений, предусматривая при этом возможность ее опровержения, является инструментом контроля за соблюдением сформулированных нормативными правовыми актами критериев добросовестности субъектами тех или иных отраслевых правоотношений.

В свою очередь, принцип добросовестности субъектов правоотношений в силу высокой степени правовой обобщенности и отсутствия четких границ своего правового содержания обладает свойством догматической фиктивности, позволяющим полноценно раскрывать его положения, тем самым развивая правовую систему и обеспечивая ее функционирование.

Таким образом, принимая во внимание то обстоятельство, что конституционный принцип являет собой основополагающее нормативное установление, которое наравне с другими свойствами одновременно обладает свойствами аксиоматичности, презумптивности и догматической фиктивности, указанное триединство свойств позволяет принципу добросовестности субъектов правоотношений в полном объеме реализовать заложенный в нем потенциал.

Список источников

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: в 2 т. Т. 1. М.: Юрист, 2005. 719 с.
2. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 311 с.
3. Аничкин Е.С. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: особенности, виды, действие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2018. Т. 18. N 2. С. 87–105.

4. Богданова Н.А. Система науки конституционного права: дис. ... д. ю. н. М., 2001. 334 с.
5. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд. М.: Юрист, 2014. 184 с.
6. Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в российском праве // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2018. Т. 160. Кн. 2. С. 285–301.
7. Виноградов В.А., Ларичев А.А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т.15. № 5. С. 4–23.
8. Витрук Н.В. Верность Конституции: монография. М.: Российский государственный университет правосудия, 2016. 272 с.
9. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юрист, 2002. 286 с.
10. Ким Ю.В. О фикциях в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2008. N 13. С. 8–9.
11. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право: монография. М.: Норма, 2020. 192 с.
12. Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве: дис. ... к. ю. н. Екатеринбург, 2001. 217 с.
13. Ливеровский А.А. Рациональная модель конституционного регулирования // Lex russica. 2019. N 1. С. 70–82.
14. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2011. 848 с.
15. Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 104 с.

References

1. Alekseev S.S. (1995) *Theory of law*. Moscow: BEK, 311 p. (in Russ.)
2. Anichkin E.S. (2018) Fictions in the constitutional law of Russia: features, types, action. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya RAN*=Scholar Yearbook of the Ural Institute of Philosophy and Law, vol. 18, no. 2, pp. 87–105 (in Russ.)
3. Avakian S.A. (2005) *Constitutional law of Russia*. Vol. 1. Moscow: Jurist, 719 p. (in Russ.)
4. Bogdanova N.A. (2001) System of the science of constitutional law. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 334 p. (in Russ.)
5. Bondar N.S. (2014) *Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice*. Moscow: Jurist, 184 p. (in Russ.)
6. Chechina N.A. (1987) *Main directions of Soviet civil procedural law development*. Leningrad: University, 104 p. (in Russ.)
7. Gadzhiev G.A. (2002) Constitutional principles of the market economy (Development of civil law in decisions of the Constitutional Court). Moscow: Jurist, 286 p. (in Russ.)

8. Kim Yu.V. (2008) On fictions in constitutional law. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*=Constitutional and Municipal Law, no. 13, pp. 8–9 (in Russ.)
9. Kokotov A.N. (2020) *Trust. Distrust. Law*. Moscow: Norma, 192 p. (in Russ.)
10. Kuznetsova O.A. (2001) *Presumptions in Russian civil law*. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 217 p. (in Russ.)
11. Liverovsky A.A. (2019) Rational model of constitutional regulation. *Lex russica = Russian Law*, no. 1, pp. 70–82 (in Russ.)
12. Nersesyants V.S. (2011) *Philosophy of law*. Moscow: Norma, 848 p. (in Russ.)
13. Vinichenko Yu.V. (2018) On the presumption of good faith in Russian law. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*=Research Papers of Kazan University, vol. 160, no. 2, pp. 285–301 (in Russ.)
14. Vinogradov V.A., Larichev A.A. (2022) Index of ethicality of the law as an applied tool for assessing correlation between law and morality. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 5, pp. 4–23 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.4.23
15. Vitruk N.V. (2016) *Loyalty to the Constitution*. Moscow: RGUP Press, 272 p. (in Russ.)

Информация об авторе:

С.А. Мосин — доцент, кандидат юридических наук.

Information about the author:

S.A. Mosin — Associate Professor, Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted to the editorial office 15.08.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 30.11.2022.